ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

НЬЮ-ЙОРК. Одна из выходящих здесь херстовских газет утверждает, что в Советском Союзе правом быть избранным в Верховный Совет пользуются только капиталисты. «Кандидаты в депутаты,—пишет газета,—так прямо и заявляют: «За нами — миллионы!»

АРГЕНТИНА. Согласно полученным здесь сведениям, местные реакционные круги пришли к полному согласию относительно своего несогласия с согласием, достигнутым на совещании трёх министров в Москве.

НЮРНБЕРГ. У Геринга и прочих подсудимых кончились рождественские каникулы. Что же касается ёлки (осины, сосны или дуба), то это будет потом — по окончании суда.

ЛОНДОН. В финансовых кругах Европы и Америки утверждают, что девальвация Франко продолжается. Сейчас он уже не стоит ломаного гроша.

РИМ. Как разъясняет папская канцелярия, после разрыва отношений между Японией и Ватиканом аккредитованные при папе японцы перешли на положение его гостей. В связи с тем, что синтоистская религия запрещает японцам именовать папу святейшим отцом, последний разрешил называть себя просто отцом-кормильцем.

НА СТРОГО НАУЧНОЙ ОСНОВЕ

Некоторые английские газеты сообщают, что «изучение» деятельности Мосли и его фашистской шайки продолжается.

Рис. И. Семёнова

— В какой стадии у вас находится борьба с молодчиками Мосли?
— В стадии изучения.

Иллюстрации В. Горяева

Пух и Прах

Начну с того, что я всегда,
И прошлый год и все года,
Встречал, как водится, в складчину:
По сто целковых за мужчину
И там бутылку или пол-
Чего-нибудь за слабый пол.
Я помню встречи — под зенитки
Мы пили странные напитки
И ели страшный винегрет.
Считались роскошью селёдки,
И не всегда хватало водки,
И не горел в квартире свет.
И на столе шипели свечи
В бумажных чашечках. Вода
Не шла из крана. Но всегда
Милы мне будут эти встречи...
И только в нынешнем году
Я первый раз попал в беду.
Василий Николаич Лужин,
От преизбытка средств и сил,
К себе на новогодний ужин
Вагон народу пригласил.
Ещё у двери, в шубах, в шляпах,
Мы жадно втягивали запах,
Который будит апетит
И сок желудка кипятит.
А на столе — в бутылках вина,
В графинах водки всех сортов,
И возле каждого графина
Икра стендалевских цветов.
Давненько гости не видали
Колбас такой величины!
Давненько гости не едали
Такой чудесной ветчины!
Пирог с начинкой из грудинки,
Сардельки, шпроты и сардинки...
А поросёнок возлежал
С бумажной георгиной в пасти
И грустным взглядом провожал
Свои съедаемые части.
Лежали кильки на яйце,
Дрожали яйца в холодце.
И тосты, тосты!.. Всё чин-чином.
И очень хочется мужчинам,
Ускорив мерный ход речей,
За дело взяться горячей.
Уже Скворцов с гомеопатом
Завёл волынку до утра:
Как расщепить на части атом
И сделать бомбу из ядра.
Уже один малолитражный,
Неспиртоёмкий человек,
Имея вид неавантажный,
Внезапно встал «и в путь потек».
Пускай зигзагом, а не прямо,
Но, направленье отыскав,
Он всё же движется упрямо
Туда... вперёд... в зеркальный шкаф.
Но, не пройдя и полдороги,
Он рухнул: перед ним возник
Двуносый и четвероногий
Его раздвоенный двойник.
И спать на кожаной кушетке
Уводят пьяного к соседке...

И вдруг в квартире свет потух.
И за окном пропел петух...
И вновь светло... и под часами
Стоит чужой, стоит седой
Старик с огромными усами
И с очень длинной бородой
И говорит: — Не беспокойтесь,
Не сомневайтесь и не бойтесь,
Прошу прощенья за приход
В семейный дом без приглашенья,
Мол, так и так, — прошу прощенья,
Но я не вор, а Старый Год.

Конечно, следовало бы
Спросить у старца документы
И не испытывать судьбы,
Но в жизни пьяных есть моменты,
Когда, наверное, и вам
Случалось простодушной верой
Ответить не бумажке серой,
А человеческим словам.
Короче: Старый Год сажают
За стол, дают бокал вина
И так усердно ублажают,
Что очень скоро вполпьяна
Папаша поднял стопку тминной
И разразился речью длинной:
Пусть пребывает этот дом
Всегда в достатке и в избытке.
Да не откажут гостю в нём
В закуске и в хмельном напитке.
Всё то, что нажито трудом,
Пусть, мол, украсит этот дом
Пристойно и благообразно...
И дальше старый клонит речь
К тому, что следует беречь
Себя от разного соблазна:
Пусть будет, мол, заказан путь
В сей дом позорному разврату.
Мол, не помыслите рвануть,
Как нынче говорят, «по блату».
Пусть не позорит этот дом
Всё, что неправедным путём
В него пришло и в нём таится.
Пусть, мол, всё это превратится,
Как говорится, в пух и прах!

И стопка в старческих руках
Как бы по мановенью жезла
Чудесным образом исчезла
Под удивлённый возглас: «Ах!»
Хозяин понял — пахнет крахом:
Он ясно видел, нем и глух,
Как стопка разлетелась прахом,
А водка превратилась в пух.
Потом сардельки и сардинки
Существовать перестают
И только белые пушинки
К сукну костюмов пристают.
Один любитель маринада
Всё раньше всех сообразил
И быстро вилку в гриб вонзил,

Но не пикантная прохлада
Гриба, а горьковатый прах
Скрипит у гостя на зубах.
Уже исчезли водка, вина,
Деликатесов половина,
От поросячьей головы
И прочих органов — увы! —
Осталась только георгина.
И даже шкаф зеркальный — трах! —
И превратился в пух и прах,
За ним и пианино — бух! —
И превратилось в прах и пух...
Уже хозяин за бесценок
Всю обстановку продаёт,
Но ни копейки не даёт
Ему никто... И вдруг со стенок
Летит хозяйская родня:
Сорвались, вставленные в рамы,
Прабабки, бабки, папы, мамы
И — на пол, стёклами звеня.

Тут дама с вездесущим носом
К хозяйке подошла с вопросом:
— Я вашу тайну сохраню...
Я неспособна к вероломству...
Но неужели и родню
Вы достаёте по знакомству?
Ах, до бестактности какой
Порой доходят наши гости!..
Махнув досадливо рукой,
Хозяйка отвечает: — Гвозди!
Родня у нас, как и везде,
Но служит дядя в Главгвозде...

А между тем хозяин бедный
Уже давно без пиджака
Стоит растерянный и бледный
И проклинает старика.
И тщетно трепетные руки
Хватают тающие брюки.
И вот уже под стоны дам,
Как новоявленный Адам,
Покрывшись весь гусиной кожей,
Стоит хозяин непригожий.
В его глазах и стыд и злость,
А тут вернулся от соседки
Тот самый захмелевший гость.
Его сам чорт спихнул с кушетки,
Внушив, что самая пора
Кричать хозяину «ура».
«Урра!» — кричит он, что есть духу,
И тут же наглотался пуху.

А гости к выходу идут.
Глядят на вешалку со страхом.
Но всё в порядке — шубы тут,
И ни одна не стала прахом.
И все ушли. И Старый Год
Уходит через чёрный ход,
Пробормотав перед уходом:
— Ну, что ж, хозяин, с Новым Годом!

Михаил ВОЛЬПИН

Чуткий товарищ

РАЗДАЛСЯ резкий, требовательный звонок. Секретарша Фелицата Анатольевна нервно вздрогнула, строго посмотрела на граждан, ожидавших приёма, как бы приглашая их подтянуться, и скрылась за массивной дверью кабинета с лаконической надписью: «Н. П. Хромаев».

Н. П. Хромаев сидел за письменным столом. На его высоком — от преждевременной и весьма удачно расположенной лысины — челе опытная Фелицата сразу заметила печать глубокой озабоченности.

— Можно начинать приём, Николай Павлович? — вкрадчиво спросила секретарша.

— Обождите немного, — сказал Н. П. Хромаев, — у меня только что родилась одна идея, мне нужны кое-какие сведения... Скажите, как у нас обстоит дело... с чуткостью?

— С чуткостью? — испугалась Фелицата.— У нас ничего такого нет, Николай Павлович!

— Очень плохо, если в нашем учреждении нет чуткости. В печати каждый день пишут про чуткость, а у нас её, оказывается, нет!..

— Я... не в том смысле, Николай Павлович!.. По-моему, у нас нету... нарушений и искривлений!..

— Вы уверены в этом?

— За себя лично я отвечаю, Николай Павлович, — поправилась осторожная Фелицата,— я, лично, чуткая... Но, конечно, в других звеньях... Там могут быть... всякие такие... отклонения...

— Вот видите! А если завтра к нам придут и спросят, как у нас обстоит дело с чуткостью? Что мы с вами будем... лепетать? Необходимо этот вопрос уточнить. Мне нужны соответствующие материалы! Ну-ка, давайте сюда список сотрудников!

— А как быть с приёмом, Николай Павлович?

— Много их там?

— Не очень. Но всё-таки есть.

— Спокойные?

— Сегодня смирные. Один только такой... всё на часы поглядывает...

— Ничего, обождёт... Несите скорей список!

Фелицата скрылась и через пять минут появилась снова со списком сотрудников в руках.

— Так-с! — сказал Н. П. Хромаев. — Ну что же, начнём, пожалуй. Садитесь, берите карандаш и пишите. Ниже поименованных сотрудников вверенного мне учреждения считать чуткими товарищами... Двоеточие... Ну-с, значит, запишите Петухова и Бутина как моих заместителей... Записали?

— Записала! — откликнулась Фелицата и догадливо прибавила: — Теперь начальников отделов писать, Николай Павлович?

— Правильно! Пишите начальников отделов.

Усердно скрипя пером, секретарша стала вносить в список чутких фамилии начальников отделов.

За дверью раздались какой-то стук и грозный шум голосов.

— Что там такое? — спросил Н. П. Хромаев.

— Этот, наверное, волнуется... который на часы смотрит.

— Какой нетерпеливый! Теперь заведующих секторами пишите... Тут же и себя можете поместить...

— Спасибо! — вспыхнув сказала Фелицата. — Я, Николай Павлович, Зиночку тоже сюда вставлю.

— Какую Зиночку?

— Помните, она меня как-то заменяла? Бывшая петуховская секретарша, а сейчас она в отделе рам и дверей. Хорошенькая такая. Она недавно замуж вышла, ей будет приятно, что её отметили.

— Хорошо, вставляйте сюда и вашу Зиночку!

— Предместкома я тоже в список чутких внесу, Николай Павлович?

— Обязательно. А то он очень обидчивый. Ну-ка, дайте сюда список. Посмотрим, что получилось.

Н. П. Хромаев взял из рук Фелицаты список чутких товарищей и стал сличать его со списком сотрудников.

— Так! — сказал он с некоторой растерянностью в голосе. — Получается, что у нас, так сказать, почти все чуткие. Хотя вот тут какой-то Барабанов у вас числится. Кто он такой, Барабанов?

— Это наш гардеробщик, Николай Павлович.

— А он чуткий?

Фелицата задумалась:

— Как вам сказать, Николай Павлович. Ко мне поступили сигналы, что он не справляется с калошами. Третьего дня, например, правую калошу Левковича он подал Бунтику, а левую Бунтика — Петухову...

— Пишите, как его, в нечуткие! Ведь он не только с аппаратом общается, но и с посетителями. Надо, надо подтянуть Барабанова...

Фелицата с удовольствием внесла гардеробщика Барабанова в список нечутких.

— Ещё кто у нас нечуткий? — спросил Н. П. Хромаев.

— Давайте сюда Пальчикова запишем! — вдруг хищно сказала секретарша.

— Какого Пальчикова?

— Счетовода из бухгалтерии. Он, Николай Павлович, участвует от месткома в распределении ордеров. И часто проявляет нечуткость. Например ко мне мама приезжала из Бузулука, я просила, чтобы ей дали полушерстяное платье, — Пальчиков проявил нечуткость — и маме ничего не дали...

— Можете записать Пальчикова, — милостиво согласился Н. П. Хромаев, — поскольку имеются жалобы. Ещё кого запишем в нечуткие?

Начальник и секретарша устремили взгляды в потолок и стали думать. Но тут дверь распахнулась и в кабинет вошёл человек в ватнике.

— Будет в конце концов приём или не будет? — надрывно спросил человек в ватнике. — Два часа с лишним люди ждут за дверью, а вы тут бумагу портите?!

— Прошу вас оставить кабинет! — металлическим голосом сказал Н. П. Хромаев. — Приём переносится на завтра.

— Позвольте, товарищ Хромаев! — завопил человек в ватнике. — У меня же срочное дело!.. Я из-за города приехал! Надо же быть чутким!

— Надо! — твёрдо сказал Н. П. Хромаев.— Для этого мы и «портим здесь бумагу», как вы изволили выразиться. Потрудитесь оставить мой кабинет!

Человек в ватнике поднял крик, но Фелицата, храбро наступая на него, быстро вытеснила его за дверь, назад в приёмную.

Затем она вернулась в кабинет, чтобы окончательно уточнить с Н. П. Хромаевым вопрос о чуткости и отшлифовать список чутких и нечутких сотрудников. Ведь действительно могут же придти и... спросить?

Леонид ЛЕНЧ

ЧУДЕСА БАЛАНСА

Рис. Л. Сойфертиса

Эквилибристка Вероника Званцева на проволоке.

Она же на тротуаре.

Старуха, дверь закрой!

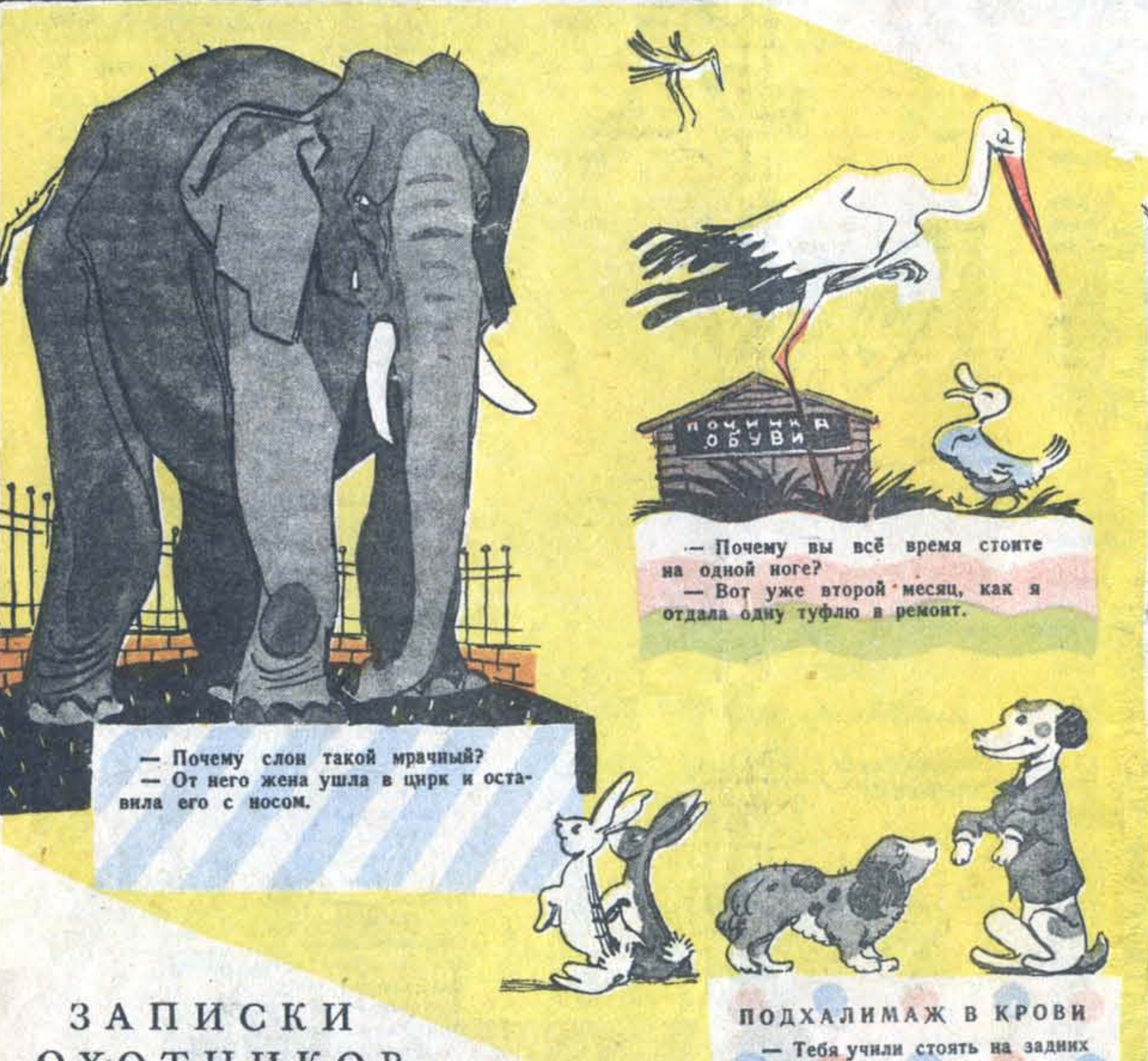
(Английская народная баллада)

Под праздник, под Мартынов день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.
Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой,
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!
— Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет!
По мне пускай она стоит
Открытой сотню лет!
Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:
— Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрёт!
Проходит час, за ним — другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь,
В углу часы стучат.
Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.
— А ну-ка,— гости говорят,—
Кто в домике живёт?—
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.
Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха.
Хозяйка — ни гу-гу.
Нашли табак у старика:
— Хороший табачок!
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.
Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!
А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой!—
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

С. МАРШАК

Рис. Ю. Ганфа

В МИРЕ птиц и животных

— Почему слон такой мрачный?
— От него жена ушла в цирк и оставила его с носом.

— Почему вы всё время стоите на одной ноге?
— Вот уже второй месяц, как я отдала одну туфлю в ремонт.

ПОДХАЛИМАЖ В КРОВИ

— Тебя учили стоять на задних лапках?
— Нет, я самоучка.

Как у людей.

— Он мне действует на нервы! Пятнадцать лет жил у одного конферансье и теперь каждый вечер талдычит одно и то же.

— А всё-таки автомобиль менее совершенен, чем лошадь: он не даёт навоза.

— А некоторые мои знакомые, действительно, считают, что я лев!

— Дети, не подходите близко к решотке! У этого человека две судимости!

Трафареткин

НА ОЗАБОЧЕННОЕ лицо тов. Трафареткина, редактора газеты «За штамп», легла ещё одна тень.

— Кто состряпал эту галиматью? — спросил он секретаря, сердито размахивая свеженькой рукописью.

— Сухоручкин,— ответил секретарь.

— Я так и знал. Его стиль можно узнать за версту. Позовите ко мне этого гениального публициста. А, кстати, захватите сюда и Воронова.

Сухоручкин и Воронов предстали перед редактором.

— Вы чего хотите, милый Сухоручкин? — с подчёркнутой ласковостью спросил его Трафареткин.

— Ничего я не хочу! — гениальный публицист был явно удивлён.

— Нет, вы чего-то хотите, — ещё более нежно произнёс редактор.

— Не знаю, право...

— А я знаю! — голос Трафареткина зазвучал, как колокол, возвещающий в ночи о пожаре. — Я знаю, чего вы хотите. Вы, Сухоручкин, хотите, чтоб в центральной газете появился о нас обзор под заголовком «Язык мой — враг мой». А, может, вас больше устраивает заголовок «Люди с суконным языком»? А?.. Вот я сейчас оглашу ваше высокохудожественное произведение. Конечно, тут требуется лауреат художественного конкурса. Но обойдёмся своими силами. Читаю:

«Мы должны, засучив рукава, драться за окружение вниманием и повседневной заботой по линии коммунального обслуживания населения нашего города.

На сегодняшний день мы имеем в отдельных звеньях некоторых райсоветов некоторое недопонимание некоторых вопросов благоустройства, каковое необходимо поднять на необычайную высоту.

Преодолевая все преграды, мы со всей энергией и прямотой, опираясь на массы, будем всемерно крепить чистоту и порядок на всех участках поставленных перед нами грандиозных задач.

Двинем вперёд дело обслуживания, в каковом ещё наблюдается наряду с целым рядом достижений и целый ряд некоторых недочётов».

— Вот и всё! — Трафареткин по-театральному раскланялся. — Почему не аплодируете, Сухоручкин? А?.. Но давайте серьёзно поговорим. Так дальше продолжаться не может. Пора решительно покончить со всеми этими «каковыми» и «таковыми». И нечего, засучив рукава, драться. С кем это вы задумали драться, Сухоручкин? А?.. Вот что. Идите и переработайте всю заметку от начала до конца. А вы, Воронов, помогите ему. Вы же когда-то, когда мы ещё печатали фельетоны, любили щеголять всякими этакими... метаморфозами и метафорами.

Минут через тридцать Сухоручкин и Воронов принесли редактору новый, исправленный вариант.

— А ну-ка, почитаем. Посмотрим, что у вас получилось. Посмотрим:

«Внимание к нуждам населения! Сколько прекрасных резолюций было принято городским советом по этому вопросу! Но, как сказал поэт: «Суждены нам благие порывы, а осуществить не дано».

Заведующий отделом благоустройства тов. Куропаткин не занимается своим прямым делом: тротуары не ремонтируются, улицы искалечены ухабами и рытвинами.

Пора очистить город от мусора. Пора навести порядок на улицах и дворах.

Зареченский райсовет за последние дни очистил от снега и льда все тротуары и мостовые, исправил уличное освещение и тщательно отремонтировал водопровод. Вот у кого должны взять пример остальные районы нашего города».

— Прекрасно... Хорошо... Неплохо... Ещё не то, что нам нужно, но уже того-с... Вот это и напечатаем. Малость, конечно, исправим и дадим в набор.

Вот в первом абзаце насчёт горсовета кое-что смягчим. Смягчим... Немножко резковато у вас получилось. Надо учесть, что Клим Порфирьевич не уважает этого. Н-да... Поэта с порывами пока выбросим. Поэт правильно отобразил. Но то было в другой обстановке. Без учёта особенностей нашего города. Кроме того недостаточно чётко сформулированы задачи. И нет ничего мобилизующего. Нет призыва к борьбе за повседневную заботу. Сделаем лучше вот так:

«Мы должны, засучив рукава, драться за окружение вниманием и повседневной заботой по линии коммунального обслуживания населения нашего города».

Так оно яснее. А главное, никто не в обиде. Пойдём дальше. Насчёт Куропаткина у вас правильно сказано. Бездельник этот Куропаткин. Но... Знаете что... Не стоит ему уделять столько внимания. Сосредоточим весь огонь на райсоветах. Вот как мы это сделаем:

«На сегодняшний день мы имеем в отдельных звеньях некоторых райсоветов...»

— А дальше, — прервал Воронов редактора, — скажем так:

«...некоторое недопонимание некоторых вопросов благоустройства...»

Тут Сухоручкин радостно воскликнул:

«...каковое необходимо поднять на необычайную высоту!»

— Правильно! — потирая руки, отметил редактор. — Правильно. Вот что значит углублённая работа над материалом... Затем у вас сказано очень сухо: «Пора очистить», «Пора навести порядок». И ничего насчёт преград...

— Вот как надо, — сказал Воронов и начал декламировать:

«Преодолевая все преграды, мы со всей энергией и прямотой...»

— Вот-вот! Вы правильно поняли мою мысль. Сами и доделайте в этом духе. И категорически подчеркните — тут стесняться нечего,— что надо всемерно крепить чистоту и порядок на всех участках... А дальше вот что... Тут у вас в конце сказано о Зареченском райсовете. Стоит ли противопоставлять один район города другому? Лучше всего напишем так:

«Двинем вперёд дело обслуживания, в каковом ещё наблюдается...»

— А для живости стиля, — вставил Воронов, — напишем дальше так:

«...наряду с целым рядом достижений и целый ряд недочётов».

— Некоторых недочётов, — поправил Трафареткин. — Вот и всё. Получилась интересная статейка. А что вы раньше наплели, Сухоручкин?

Г. РЫКЛИН

ЗАПИСКИ ОХОТНИКОВ

РАЗНЫЕ бывают охотники, и разные бывают записки.

Скажем прямо, в тех записках, о которых пойдёт ниже речь, читатель не найдёт ни лирических пейзажей, ни художественных образов.

Но зато эти записки дышат непреодолимой страстью к охоте. Однако надо подчеркнуть, что охотники из Садовского района, Воронежской области, избавлены от того, что называется охотой ради охоты. Попробуйте пригласить их, скажем, поохотиться на вальдшнепов. Куда там — засмеют и очень обидятся! Что толку, скажут, в вальдшнепе, в этой божьей птичке, если она, даже выше средней упитанности, имеет всего-навсего пятьдесят граммов веса и то вместе с потрохами. То ли дело охота на свиней!

— На свиней?

— Ну да, на свиней. Свинья, братец ты мой, — это, как сказал поэт, весомо, зримо, и хотя грубо, но зато жирно.

— Но... кажется, свиней стрелять не принято?

— А зачем же их стрелять? Мы и не стреляем. Мы без стрельбы охотимся. Тихо, благородно — ни дыма, ни огня, а сами ублаготворены, и родные, знакомые не обижаются.

Что верно, то верно: родным и знакомым нет оснований обижаться на садовских районных охотников. В доказательство этого приведём некоторые из многочисленных записок этих охотников, адресованных председателю колхоза имени Луначарского Шубину:

«Алексей Кузьмич, принимай гостей. Будь добр, дай им одного поросёнка и выпиши кое-что из продуктов — масла, пшена и мучицы. С приветом главный агроном райзо А. Величко».

«Правлению колхоза им. Луначарского. Отпустите тов. Перепелице 2 поросёнка по 25 рублей. Заврайзо Смотров».

«Алексей Кузьмич! По распоряжению Тихона Данилыча и тов. Смотрова отпусти по двойке поросят. Эти поросята начальнику станции. Анна».

А так как поросята хотят кушать, то:

«Алексей Кузьмич! Тихон Данилыч просил выписать по килограммов 25—30 жмыхов для работников района».

А так как кушать хотят не только поросята, то:

«Садовское райзо просит отпустить для бухгалтера ветучастка 16 килограммов ячменя».

«Прошу вас отпустить для работников райисполкома пшена 30 килограммов, масла растительного 80 килограммов, муки ржаной 60 килограммов в счёт расчёта».

А так как в райисполкоме не только хотят кушать, но и хотят иметь подсобное хозяйство, то:

«Тов. Шубин! Прошу вас отпустить 3 центнера семенного овса для посева подсобного хозяйства».

Летят и летят записки охотников до чужого. Летят с приветом и без привета, с датой и без даты. Течёт и течёт колхозное добро направо и налево.

Так вот я и говорю: разные бывают охотники, и разные бывают записки. Некоторые охотники, как например Иван Сергеевич Тургенев, благодаря своим запискам входят в историю, а некоторые влипают в историю.

Д. БЕЛЯЕВ

Воронеж

ДЯДЯ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ

Рис. В. Горяева

— Вы что же это? Заглаза крыли директора, а на собрании расхваливали.

— А я, видите ли, не люблю повторяться.

Флюс

Внимание командированного товарища, вновь прибывшего в город Старобельск, Ворошиловградской области, неизменно привлекает фундаментальная вывеска, венчающая одно из зданий на центральной улице. На вывеске солидными литерами изображено:

Контора гостиницы

Сладостно улыбнувшись в предвкушении желанного ночлега, командированный товарищ с полуфибровым чемоданчиком в руках входит в помещение конторы, занимающей целый дом. Здесь властвует монументальный стиль столичного учреждения. В табачном дыму стреляют счёты, верещит телефон, деловито снуют курьеры с кипятком, из кабинета директора доносится руководящий басок,— одним словом, бурлит деловая жизнь как таковая.

Несколько оробев, приезжий решается, наконец, оторвать от государственных занятий одного из служащих и почтительно задаёт вопрос:

— Нельзя получить номерок?

— Нельзя,— охотно соглашается служащий, удивлённо вскидывая глаза на бестактного просителя. — Всё, братец, занято.

Приунывший товарищ на всякий случай идёт в гостиницу,— авось, знаете, на месте перспектива прочистится. Самая гостиница, оказывается, занимает маленький домик рядом. На пыльном фикусе висит табличка: «Номеров не бывает». И тут выясняется, что в гостинице, имеющей столь величественную и шикарную контору, насчитывается всего... семь номеров.

— Нельзя ли у вас переночевать? — вкрадчиво шепчет приезжий старику-сторожу.

— Милый! — сокрушённо шамкает старик.— С дорогой бы душой! Да только местов нет. Контора, чай, цельный дом заняла, а мы уж тут по-всякому исхитряемся. Над койками даже таблички вывешиваем: «Товарищ, будь сознательным! Спи скорее — другому подушка нужна».

— А я, дедушка, быстрее быстрого! — лебезит приезжий.— Со всех ног спать буду!..

По скромным подсчётам, на каждого приезжего в Старобельской гостинице приходится трое служащих в конторе, которые с утра до ночи производят сложные расчёты по «человекокойке», пишут приказы, издают «правила внутреннего распорядка», произносят зажигательные речи о внимании к постояльцам и т. д. и т. п.

Сногсшибательный старобельский стиль не чужд и самому областному центру — Ворошиловграду. В городе функционирует баня. Но ошибочно думать, что управляется она заведующим. Что за крохоборчество и ограниченность! Единственной баней руководит специальный банный трест (вот как!), штат которого чуть ли не превышает число посетителей бани. И тут на каждую «человекошайку» приходится бухгалтер или товаровед, определяющий, повидимому, кондиционное качество воды и сортность пара...

Имеется в Ворошиловграде и пивоваренный завод. Прямо скажем, завод не ахти какой гигант: рабочих на нём тридцать три человека! Зато служащих — двадцать пять! Это чудовищное вздутие, этот односторонний штатный флюс не вызывает ничьего внимания.

Даже в такую унылую отрасль, как похоронное дело, в Ворошиловграде сумели внести юмор и своеобразный шик. До недавних пор захоронением усопших занимались обычные похоронные бюро. Но досужие умы сочли это узким и мелким провинциализмом. Несмотря на резкое снижение смертности, в Ворошиловграде организованы, помимо указанных бюро, специальные тресты похоронных предприятий. А в них опять-таки товароведы(?), бухгалтера, отделы сбыта и даже плановый отдел!

Все мы живо помним необычайное учреждение, выведенное в «Золотом телёнке» и носившее роскошное название: «Контора по заготовке рогов и копыт». Под этой легендарной вывеской скрывалась кормушка для квалифицированных бездельников. Нечто от этой мифической конторы, некий родственный душок, имеется и в конторе старобельского отеля и в неподражаемом банном тресте.

Не пора ли ворошиловградским руководителям перестать сорить государственными деньгами и распроститься с плановиками, планирующими покойников, и товароведами, изучающими качество мыльных пузырей в местной бане!

Братья ТУР

Рис. А. Каневского

Когда весы в ремонте...

СМЕШНАЯ ФАМИЛИЯ

Каких фамилий только нет:
Голышкин, Палкин, Глупов,
Лентяев, Тряпкин, Дармоед,
Пупков и Перепупов!

В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,
Зверей и насекомых:

Лисичкин, Раков, Петушков,
Селёдкин, Мышкин, Тёлкин,
Мокрицын, Зайцев, Мотыльков,
Бобров и Перепёлкин!

Но может некий Комаров
Иметь характер львиный,
А некий Барсов или Львов —
Умишко комариный.

Бывает, Коршунов иной
Синичкина боится,
А Мотыльков слывёт свиньёй,
А Петушков—лисицей!

Блохин фамилию сменил—
Алмазовым назвался,
Но, в основном, ослом он был—
Ослом он и остался!

А Пушкин, Глинка, Пирогов
Прославились навеки!
И вывод, стало быть, таков:
Всё дело — в человеке!

С. МИХАЛКОВ

ПРОСЬБА ИНЖЕНЕРА КАЗАНСКОГО

Инженер Казанский — главный инженер Ставропольского краевого коммунального отдела. Он же, Казанский, заместитель заведующего краевым коммунальным отделом.

На своём служебном бланке тов. Казанский дал своему подчинённому — заместителю заведующего Кисловодским горкомхозом Рыбинцеву — такую срочную директиву:

«Борис Иванович!
Прошу вас выяснить в отношении отгрузки в Ставрополь. Я буду сегодня.
Желательно следующее погрузить на автомашину:

1. Поросят — одного
2. Яблок хороших — 50 кг
3. Яблок средних — 300 кг
4. Гусей — 5—6 штук
5. Кур — шт. 10

Пусть это всё оформляют на меня, т. к. всех не удовлетворишь.
С приветом Б. Казанский».

Охотно выполняем просьбу инженера Казанского и «оформляем всё на него». Надеемся, что читателей Крокодила это вполне удовлетворит.

НОВОСТИ СПОРТА

Недавно, впервые в истории спорта, состоялся грандиозный пробег шоферов без автомашин по маршруту Тула—Москва и обратно.

Инициатором и вдохновителем этого небывалого зрелища был начальник Центрозаготзерна тов. Горбунцов.

Это он, Горбунцов, послал в Тульскую контору Заготзерна телеграмму следующего содержания:

«Немедленно суточный срок командируйте Москву сто шоферов получением автомашин...»

Наскребли кое-как шестьдесят пять шоферов и срочно дали им старт. Благополучно финишировав в Москве, участники гонок предстали пред ясными очами тов. Горбунцова.

Обрадовался Горбунцов прибывшим шоферам, как родным детям. И без всякой проволочки и волокиты отправил их обратно в Тулу, так как никаких машин в наличии не оказалось.

Результаты состязаний оказались следующие: 21 тысяча рублей командировочных; простой автомашин (от которых были оторваны 65 шоферов) — 64 тысячи рублей. Итого 85 тысяч рублей не в пользу государства. Физкульт-ура тов. Горбунцову!

ПОСТАНОВКА С ПЕРЕЖИВАНИЯМИ

До сих пор было известно, что «Сильва» — весёлая оперетта. Однако это не совсем так. В московском клубе «Каучук» она трактуется как жуткая драма.

Постановщики и актёры Первого московского гостеатра музыкальной комедии приложили много стараний, чтобы развеселить публику. Но администрация клуба сделала всё, чтобы зрители получили минимум удовольствия.

Так например бо́льшую половину первого акта не удалось услышать, так как в зрительный зал беспрерывно впускались опоздавшие. Буйная ватага контрамарочников заняла места законных владельцев, и администрация палец о палец не ударила, чтобы навести порядок. В результате люди, имевшие билеты, жались по стенкам. Вешалку обслуживали только два гардеробщика. Поэтому ещё задолго до конца публика начала покидать зрительный зал. Так что развязка оперетты наступила гораздо раньше, чем это предусмотрено в либретто.

Бедная, бедная Сильва! Мало ей личных переживаний из-за Эдвина, а тут ещё такие неприятности!..

Рис. М. Черемных.

ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ НАТУРА

— Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

— О, нет! Просто я не могу спокойно смотреть на то, что женщинам приходится стоять.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Календарь вышел с запозданием: издательство не выполнило своего календарного плана.

———

Витамин «А»... витамин «Б»... витамин «Ц»... Дитя училось азбуке по витаминам.

———

Горечь жизни прих[illegible]имать без облаток.

———

Гомеопаты — это малоформисты медицины.

———

Смотрят все, видят немногие.

———

Это была не драка, а бокс, это были, так сказать, дружеские кровоизлияния.

———

Если уж метать икру, то только чёрную.

———

Смотрел на её девичью фотографию и не без грусти думал, что эта куколка уже превратилась в бабочку.

———

Неприятные телеграммы всегда приходят без опоздания.

———

Лев так привык к многолюдству зоопарка, что считал годы, проведённые в пустыне, понапрасну потерянными.

———

И рояль иногда плохо настроен.

———

Он начал седеть с воротника. С бобрового, конечно.

М. ЯКОВЛЕВ

ОДНАЖДЫ...

ТОЧНЫЙ АДРЕС

Однажды литератора Гиляровского (дядю Гиляя), вышедшего на прогулку, обступили, по своему обыкновению, извозчики:

— Куда прикажете?..

— Ты знаешь ли тот край, где апельсины зреют?! — шутливо декламируя, обратился к извозчикам дядя Гиляй.

— Не могим знать! — закричали хором извозчики.

Дядя Гиляй продолжал декламировать:

— ...где в зелени густой блестит златой лимон... Туда, туда...

— Извольте, довезу! — прервал писателя один из лихачей. — В фруктовый магазин на Тверской... Пожалте-с!..

РУССКИЕ «ПАНЫ»

Однажды наместнику Царства Польского Константину Романову представлялась в Варшаве местная знать:

— Пан Радзивилл!.. Пан Залесский!.. Пан Потоцкий!..

После представления польских магнатов явились русские дворяне:

— Пантелеев, Панфилов и Панкратьев...

— А зачем русских людей в панов превратили?! — закричал наместник. — Пан Телеев, пан Кратьев... Впредь приказываю именовать их господин Телеев, господин Кратьев и господин Филов.

ЦЕННАЯ НАХОДКА

Однажды в «Калужских губернских ведомостях» появилось следующее объявление:

«В Н-ском уезде, по большой калужской дороге, найдены неизвестно кому принадлежащие арестантские кандалы. Н-ское полицейское управление вызывает владельца с ясными на принадлежность их доказательствами».

ЖИЗНЬ И СЦЕНА

Однажды театральный антрепренёр Савин упрекал артиста Самарина:

— Вчера в роли Отелло вы умирали как-то неестественно...

— Я сам этому удивляюсь,— ответил Самарин,— казалось бы, при том жалованье, которое я у вас получаю, нетрудно умереть естественной смертью...

БЕСЦЕННАЯ ВЕЩЬ

Рис. К. Елисеева

— Хороший шкаф?
— Замечательный.
— А сколько стоит?
— Не могу сказать. Ярлык с ценой лежит в ящике, а его открыть нельзя.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Если тебе доведётся разъезжать по Кировской области, смело заезжай в город Слободской, в Дом колхозника. Твоё пребывание там будет обставлено с максимальным комфортом и удобствами.

Одно только маленькое предупреждение: не забудь захватить с собой некоторые мелочи: подушку, простыню, одеяло, свечу, чайник, примус и немного дров.

А всем остальным, благодаря заботам директора дома тов. Алеванских, ты будешь обеспечен полностью.

С. ЛИНОВ

г. Киров.

●

Дорогой Крокодил!

Поздравляю тебя и твоих читателей с Новым, тысяча девятьсот сорок шестым годом!

Не удивляйся, если одновременно с этим письмом к тебе из нашей части начнут поступать поздравительные открытки «С Новым 1945 годом!»

Не приписывай, пожалуйста, это странное обстоятельство забывчивости или рассеянности наших бойцов и офицеров.

Всё объясняется гораздо проще: несколько дней назад автолавка военторга завезла к нам в неограниченном количестве прошлогодние поздравительные открытки.

Так что поздравь от своего имени, дорогой Крокодил, деятелей военторга с новым, тысяча девятьсот сорок шестым годом (пишу нарочно прописью, чтоб не перепутали!) и пожелай им в новом, тысяча девятьсот сорок шестом году более чёткой работы.

Н. СЕВАСТЬЯНОВ,
гвардии капитан

Полевая почта 77840

●

Уважаемый Крокодил!

Обращаю твоё внимание на неповоротливость днепропетровских организаций. У них налицо все данные, чтобы создать у себя интересный музей занимательной техники, а с открытием музея чего-то медлят.

Экспонаты для музея давно подготовлены. Председатель промартели «Красный металлист» тов. Бублей решил экспонировать 15 512 ложек оригинальной конструкции, ложки гнутся при малейшем прикосновении. Им легко можно придать форму любого кондитерского изделия — кренделя, баранки.

Директор Красногвардейского промкомбината тов. Калинович выставит в музее 550 мышеловок, которые не захлопываются.

Председатель артели «Освобождённый труд» тов. Усс изготовил специально для музея 200 пар дамской цветной обуви: верх — чёрный, а каблук — белый, некрашеный.

Пользуясь 250 литрами чернил водянистого цвета, изготовленными артелью «Химик», посетители смогут вволю излить свои благодарственные отзывы.

А. ЗАСУХА,
старший государственный инспектор по торговле

Киев

●

Дорогой Крокодил!

Вероятно, широкие массы не знают о том, что в Москве существует «Бюро новой техники». А между тем деятельность бюро нынешней зимой ознаменовалась новым мероприятием в области техники, замолчать которое было бы непростительной ошибкой.

Вкратце, это мероприятие состоит в следую-щем. Одна часть инженеров и техников за-та пилкой дров и вывозкой золы из котельной. Другая часть персонала регулярно отмечает в специальных ведомостях график температуры в помещении бюро, которая в несколько раз ниже, чем это установлено Моссоветом. А весь коллектив в целом, дрожа от холода, мечтает о том, что будущей зимой отопительная система будет исправлена и в бюро станет теплее.

Однако, как заявляет обычно хорошо информированный главный инженер Тетивкин, «не только в этом, но и в будущем году мы будем мёрзнуть».

О чём мы и ставим в известность нашу клиентуру.

По поручению сотрудников
Д. ГУЩИН,
председатель цехкома

Москва

●

Уважаемый Крокодил!

Вагон топлива, адресованный на имя Наркомлеса Казахской ССР, случайно был разгружен Казахским управлением Главснаблеса. Вполне понятно, что Управление удержало в свою пользу часть топлива за разгрузку. Менее понятно, почему оно удержало ещё 6 процентов за «естественные траты». И уж совсем непонятно, почему оно присвоило себе ещё 25 процентов за... «пыль».

Пускать пыль в глаза принято считать предосудительным действием. Но бывают и исключения. Томимые любопытством, мы хотели бы лицезреть таинственную пыль, увековеченную в счёте управлением Главснаблеса. Пусть бы оное управление пустило эту пыль нам в глаза. По крайней мере, мы узнали бы, за что с нас содрали четверть вагона топлива.

Л. ГУЛЯЕВ,
заместитель наркома лесной промышленности Казахской ССР

Алма-Ата

●

Товарищ Крокодил!

Будучи в Москве, зашёл я в универмаг и увидел там игрушку — заводную кошечку. Кошечка мне очень понравилась. Особенно меня растрогало то, что на коробочке стояла марка завода — № 835. «Игрушки» этого завода я на фронте очень любил. Они такого жару поддавали фрицам!..

«Молодцы! — подумал я о работниках завода. — Быстро перестроились».

Дома новая игрушка произвела фурор. Ребятишки ей очень обрадовались.

Кошечка на колёсиках по полу катается, а я жене завод так нахваливаю, как будто я ... коммерческий директор.

...уг у игрушки что-то внутри хрустнуло — ...олёсико в угол закатилось, и хромая ...ка уткнулась мордочкой в пол.

... хочется рассказывать, какой меха-... ...и! Недаром же его хватило

...нь уж мне перед женой нел...

— ...орит. — Ты нахвалил завод, а ...ую дрянь делают.

Нельзя ли так сделать, чтобы солидных людей игрушки не подводили?

С. ГЕРАСИМОВ,
инженер-майор

платформа Чкаловская, Ярославская ж. д.

ПЛОХОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Рис. А. Баженова

— Ты наблюдал лунное затмение?
— Конечно, нет. Назначили его на четыре часа утра, когда все люди спят.

ОБЕЩАЕТ ИСПРАВИТЬСЯ

Рис. Б. Фридкина

— Посмотрите, подмётки совершенно целые, а верх развалился.
— Да что вы! Придётся в следующий раз поставить подмётки похуже.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Рис. Г. Валька

— А сейчас езжайте налево.
— Спасибо! Я за это уже год отсидел.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц.

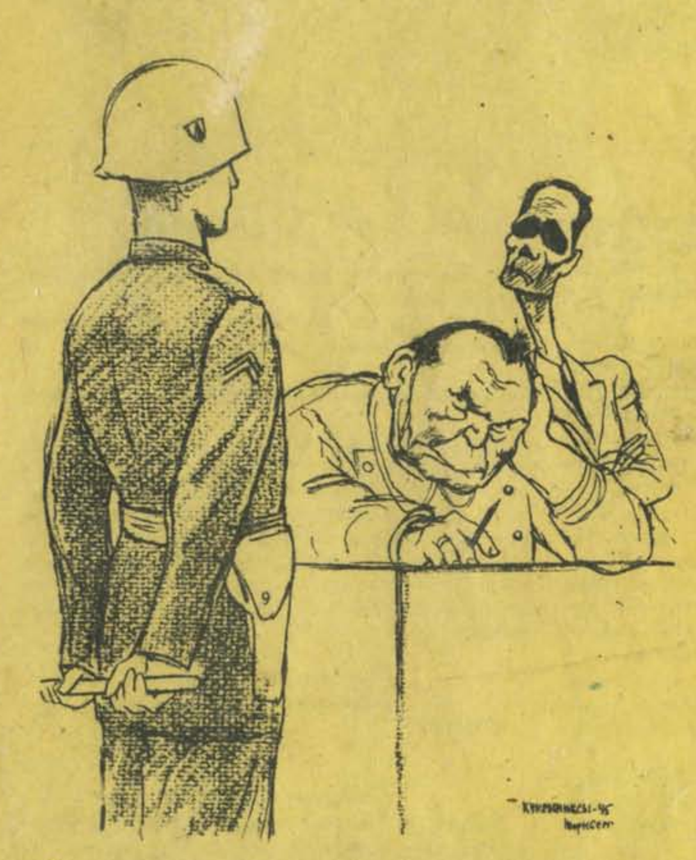
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 928. Подп. к печати 7/I 1946 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01907. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2883. Тираж 150.000 экз.

На процессе и вокруг

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАРИСОВКИ ХУД. КУКРЫНИКСЫ

Их последнее «жизненное пространство».

Подсудимым Деницу, Редеру и Франку не нравится слишком яркое освещение в зале суда. Они боятся испортить глаза. Тёмные очки сберегут им зрение для того, чтобы лучше разглядеть верёвку.

Защитники. Последняя (тоже ненадёжная) линия обороны.

Устроители «нового порядка» наводят порядок в тюремном дворе.

От греха подальше. Немецкие обыватели далеко обходят здание суда.